

» РЕЙЧЕЛ ХОК «

Хейли

Лето 1996 года

ХАРТС-БЕНД, ТЕННЕССИ

Кроны деревьев трепал ветер. Пропитанный запахом дождя, он превращал грозные черные тучи в подобие мощных горных хребтов. Бросив велосипед возле ограды парка «Гардения», Хейли всматривалась в небеса. В руке она держала рожок шоколадно-ванильного мороженого.

— Тэмми, сейчас будет дождь. Давай быстрее! — Хейли бросила взгляд через плечо на их «форт» — заброшенное здание, когда-то бывшее свадебным салоном.

Ветер усилился, над парком пронесся низкий грозовой гул. Хейли ежилась, подгибая пальцы обутых в сланцы ног.

— Тэмми!

— Не суетись ты так! Мне как раз делают мой рожок.

Хейли нравилась самая красивая девочка в их классе, Тэмми, причем нравилась с того самого дня, когда они только встретились в первый год учебы в школе.

— Возьми обычный, шоколадный. — Раскат грома как бы подтвердил разумность слов Хейли, и для лучшего эффекта польхнула молния.

— Но я люблю с наполнителем!

— Мы же промокнем!

Тэмми под навесом с мороженым лишь пожала плечами, усмехнулась и наконец через окошечко получила от Картера Адамса свой рожок. Хейли терпеть не могла Картера. Он дружил с ее старшим братом, Аароном. Каждый раз, приходя в их дом, он дразнил ее и насмехался над ней, пока она не начинала кричать.

И тогда обычно прибегала мама. «Хейли, прекрати кричать! Что все это значит?»

Защищал ли ее Аарон? Признавался ли Картер, что дразнит ее? Нет, конечно. Это было бы чересчур для них. Когда Хейли вырастет, она обязательно станет защищать людей. Помогать им. Не позволять никого задирать.

Девочка многое узнала о самообороне, будучи младшей в семье и имея четырех братьев, но все-таки она их любила, когда они не вели себя как мальчишки.

— Куда ты хочешь пойти? — Тэмми присела на скамейку и жестом пригласила Хейли придвинуться к ней, при этом она аккуратно слизывала кончиком языка капельки подтаивающего мороженого. — К тебе домой? Мы можем поиграть в «Марио».

— Не-а, мы уже играли в «Марио». К тому же один из братьев наверняка сейчас сидит за приставкой. —

Хейли бросила взгляд назад, на «форт», на бывший свадебный салон. — Может, лучше к тебе?

Хейли больше нравился чистенький тихий дом Изонов. Поскольку Тэмми была единственным ребенком в семье, она распоряжалась всем домом *начиная* со своей спальни.

Своя собственная спальня! Самой Хейли приходилось делить ее с Сетом, который был старше нее на два года, и Уиллом, старше на четыре года. У них была общая ванная комната, что означало: для нее там места нет. Но Хейли собиралась защищать людей и когда-нибудь отвоевать себе собственную ванную. Вот так!

— По-моему, у тебя очень милые братья.

— Милые? Попробуй пожить с ними. — Хейли наморщила нос. — Шумные и пахучие. И совсем не милые.

Над головами девочек прогремел новый раскат грома, и на этот раз упало несколько капель дождя. Из корзины на велосипеде Тэмми послышался сигнал пейджера.

— Это мама, — сказала, борясь с подтаявшим мороженым, девочка. Салфетка, в которую был завернут рожок, начала промокать. Она достала пейджер. — Тройка.

«Ага, тройка». Тройка означала «Будь осторожна». Обычно миссис Изон присылала единицу — «Иди домой».

Темнота накрыла центральный городской парк и главную площадь Хартс-Бенда. Дул порывистый

ветер, иногда брызгал дождь. Черно-синее небо прорезала молния.

Тэмми поежилась:

— Надо перебираться в безопасное место. Мама будет недовольна.

— Не хочешь пойти в «форт»? — Хейли кивнула в сторону заброшенного здания.

Словно по сигналу, разверзлись небеса и хлынул ливень. Тэмми уронила свое мороженое и с воплями и смехом под проливным дождем бросилась к велосипеду.

— Бежим!

— Подожди меня! — Хейли, пока садилась на велосипед, крепко держала свой рожок, но уже через пару секунд она выронила его и что было сил понеслась по Первой авеню. — У-у-ужас! — Девочка горбилась, словно под тяжестью капель. Вода приятно охлаждала кожу.

Проскочив перекресток на красный свет, она въехала на поребрик Блоссом-стрит, бросила велосипед под старым дубом, задев рукой свисающий с него намокший испанский мох, и побежала за Тэмми к заднему крыльцу.

Тучи на небе сомкнулись, объявив друг другу войну. Перекрещиваясь, словно боевые мечи, засверкали молнии, и на Хартс-Бенд обрушились новые потоки воды. В этот момент девчонки рухнули на дощатый пол.

Первой вскочила Хейли. Она высунулась в дверной проем, чтобы закрыть дверь.

— Ха-ха-ха, теперь ты нас не достанешь!

— Ладно, пошли в дом. — Тэмми подошла к двери салона, подергала ручку и скользнула внутрь, в помещение, которое мама Хейли называла буфетной.

Выжимая воду из своих прямых, как плети, светлых волос, Хейли прошла за ней и сразу за дверью остановилась. Тишина в салоне успокаивала, что-то говорила девочке, но она не понимала, что именно, только явственно это «что-то» чувствовала. И, как всегда, Хейли обнаружила, что воспринимает этот «форт» как свой дом.

Папа называл подобное шестым чувством. Что бы это ни значило, но каким-то образом Хейли ощущала время и пространство даже за пределами видимого мира. Это волновало ее. И, если честно, изматывало и пугало.

— Смотри, я не могу это снять. — Смеющаяся Тэмми помахала рукой перед лицом Хейли: к ее липким пальцам приклеилась салфетка, которой был обернут рожок.

Хейли сорвала салфетку и засунула ее обрывок себе в карман. Она не хотела мусорить в доме, в отличие от многих других, кто пытался открыть здесь какой-нибудь бизнес вместо бывшего свадебного салона. Позор, вопиющий позор! Люди просто не уважают само здание и то, что оно когда-то олицетворяло.

Пусть Хейли всего десять лет, но она слышала рассказы о невестах, клиентках этого салона, принадлежавшего мисс Коре, и ее добрых делах. Это место следует уважать.

— Давай играть в невесту. — Тэмми взбежала по широкой парадной лестнице. Гнутые резные перила напоминали Хейли большой дворец. Для Хартс-Бенда

это и был дворец. Большой дворец для девушек, выходящих замуж. — На этот раз ты, Хейли, будешь невестой. Давай спускайся по лестнице.

— Из мезонина?

— Да, оттуда. — Тэмми слизнула с пальцев шоколад и вытерла о шорты руку. — А откуда ты знаешь, что это мезонин?

— Я слышала от мамы, когда мы смотрели какой-то документальный фильм. — Хейли фыркнула. Мама буквально помешалась на образовании, поэтому в семье Морган абсолютно все должно было быть «обучающим». Даже рождественские подарки. Хорошо, что отец останавливал мамину одержимость образованием хотя бы на время каникул.

Видите ли, мама была врачом, а папа инженером. Они подолгу находились на работе, поэтому наняли служанку и повариху Хильду и няню Тесс. Обе были неплохими помощницами. Слегка с причудами. В последний раз, когда Хейли попросила обеих помочь ей испечь пирог, они вытолкали ее из дома. «Иди поплавай. У вас позади дома большой бассейн, а вы все время третесь в доме. Какой стыд, скажу я вам! Какой стыд! В мое время у нас...»

От историй Хильды о «ее времени» Хейли и братья пулей уносились из дома.

И все же в доме Морганов установилась традиция: папа и мама всегда собирались к ужину, поскольку мама считала, что семья должна ужинать вместе и при этом обсуждать что-то умное. Мама постоянно твердила, что нет ничего *важнее* образования.

«Да?» Разве что за исключением постановки целей. Это был еще один мамин пунктик. Все были обязаны накануне Нового года поставить перед собой какую-нибудь цель. Она рассаживала семью за столом и заставляла своих родных писать, что именно они хотят совершить в грядущем году. Даже папу. Шанса уклониться не было ни у кого.

Последние три года Хейли писала одно и то же: «Получить в подарок щенка», однако до сих пор не получила его. Какая польза от постановки целей, если родители не желают помогать в их достижении?

— Так ты будешь невестой или нет? — прервала ее мысли Тэмми. — Я ведь была невестой в прошлый раз. Теперь я буду хозяйкой салона.

Хейли взбежала по ступеням, хотя ей больше нравилось быть хозяйкой.

— Ладно. А за кого я выхожу замуж?

— А за кого ты хочешь выйти?

— Ни за кого. Я же тебе говорила: от мальчишек воняет.

Тэмми скривилась:

— Давай представим, что не воняет. Тогда за кого? — Она подергала ручку двери, ведущей во встроенную под скатом крыши кладовку. Им нравилось представлять, что там хранятся свадебные платья.

Но дверь, как всегда, была заперта.

Хейли могла назвать только одного мальчика из их школы, который не бесил ее. Она бросила взгляд на подругу, на миг освещенную вспышкой молнии из окна мезонина.

— Коул Даннер?

— Коул? — Тэмми вздохнула, скривилась и уперла в бок правую руку. — Он же мой.

— На самом деле не хочу я за него. Фу! Это я просто так сказала. Он самый забавный в классе и, насколько мне известно, воняет меньше других.

— Ладно, думаю, можно, ведь это понарошку. Но вот когда мы вырастем, я точно выйду за него замуж.

— За Коула? Да забирай. Я не выйду замуж, пока лет в тридцать или сорок не состарюсь.

Тэмми рассмеялась:

— Но ты должна быть моей подружкой невесты. Обещаешь?

— Обещаю. — Она обязательно сделает все, что попросит ее лучшая подруга Тэмми.

Над крышей снова прогрехотал гром, но стены бывшего свадебного салона не дрогнули.

Бабушка Хейли, миссис Морган, и ее подруга, миссис Пибоди, покупали здесь свои свадебные платья. Мама училась в медицинской школе в Бостоне, когда познакомилась с папой, который тогда был студентом Массачусетского технологического института. Они поженились в муниципалитете, иначе она тоже купила бы платье у мисс Кори.

Во всяком случае Хейли хотелось так думать. Даже в свои десять лет она верила в святость традиций.

Папа и мама вернулись в Хартс-Бенд, когда Хейли исполнилось два года. Они хотели жить рядом с семьей и в теплом климате. Мама открыла частную клинику спортивной медицины. Насколько знала Хейли, заве-

дение пользовалось известностью. К маме приезжали спортсмены из разных мест.

— Тебе нужна фата. — Тэмми подобрала мятлый кусок газеты и разгладила его на полу, затем нацепила на голову Хейли.

Хейли рассмеялась, резко наклонила голову и сбросила с нее газетную фату:

— Если я вернусь домой с вшами, мама задаст мне трепку. — Она прошла к пролету на третий этаж. — А давай там посмотрим — вдруг найдем что-то полезное.

Но третий этаж был забит коробками со старым компьютерным оборудованием. Со стен слезла краска, на полу догнивал ковер, ванная комната была полностью разрушена.

Тэмми вздрогнула:

— Здесь страшно. Пошли обратно в мезонин.

Но Хейли успела высмотреть что-то торчащее из-под ковра. Она наклонилась и ухватила за уголок черно-белую фотографию.

Тэмми присела на корточки рядом с ней:

— Ого, это же мисс Кора. Я видела ее фото в газете.

— Я знаю. Я помню ее. — Хейли оглядела сырое помещение. — Думаешь, она здесь жила?

— Надеюсь, что нет. Здесь ужасно.

Хейли уловила тревожное выражение глаз женщины, словно она о чем-то тосковала. Станный тугой узел сдавил грудь. По рукам побежали мурашки. Снова ее шестое чувство. Она натолкнулась на что-то, чего не видела, но ощущала.

— Посмотри, портновские булавки. И кусок кружева. Вот тебе и фата. — Тэмми стояла возле книжной полки со своими сокровищами в руках.

— Давай платье и фата будут понарошку. — Хейли продолжала смотреть на фотографию. Мисс Кора не была красавицей, но было видно, что она добра, у нее старомодная прическа, как на фото у бабушки, и ей явно не было чуждо любопытство. И печаль. Определенно она грустила.

Странно, но Хейли слышала о мисс Коре только жизнерадостные рассказы. Нравилось ли ей быть хозяйкой свадебного салона? Были ли у нее братья, как у самой Хейли? Если да, то тогда понятна ее печаль. Или все-таки она была единственным ребенком в семье, как Тэмми?

— Хел, пошли, пока мама не позвала меня домой.

Новый раскат грома придал вес ее словам. Хейли засунула фотографию в карман шорт и заспешила к лестнице.

— Я передумала. Ты будешь невестой, а я буду хозяйкой салона, мисс Корой.

— Мисс Корой?

— А почему нет? Это ведь понарошку? К тому же если жених — Коул, лучше тебе стать невестой. Ты выйдешь за него прежде, чем выйду замуж я.

Они вернулись в мезонин. Хейли сбегала по ступеням в холл и быстро включилась в игру.

— Здравствуйте, миссис Изон. Сейчас ваша дочь как раз надевает фату. — Она изобразила, будто изящно открывает дверь салона, потому что настоящая

была наглухо заколочена. — Присаживайтесь, пожалуйста.

Над головой раздался звук шаркающих шагов — это Тэмми шла по мезонину, затем она негромко запела свадебный гимн и начала спускаться по лестнице, очень медленно, шаг за шагом. Хейли выдохнула и сдула с глаз челку. От затхлого жаркого воздуха в салоне она вспотела, к коже прилипала пыль.

— Какая же она красавица, миссис Изон! — Хейли как бы перескочила через разделительную линию и прижала ладони к щекам, изображая уже маму Тэмми. — Силы небесные, я сейчас заплачу. — Она принялась обмахивать лицо руками. — Милая, ты красива, так красива!

Тэмми поправила воображаемую фату, затем приподняла воображаемую юбку и заворковала, что ждет не дождется, когда выйдет замуж за Коула Даннера.

Как только она это произнесла, над домом полыхнула молния и ударил гром, да так сильно, что зазвенели стекла. Тэмми кинулась к Хейли.

Девочки свалились на пол, они смеялись, кричали и хлопали ладонями по шершавому полу. Когда же обе успокоились, Хейли посмотрела на высокий потолок:

— А давай когда-нибудь станем владелицами этого салона! — Она схватила Тэмми за руку. — Поступим в колледж, может, запишемся служить в военно-морской флот...

— В военно-морской флот? Я служить не пойду. — Протест Тэмми был искренним. — А вот управлять этим салоном вместе с тобой я хочу.

— Только сначала мы будем путешествовать, увидим разные места, разных людей, посетим Гавайи, а уж потом купим этот салон.

— Лучшие подруги навеки. — Тэмми переплела мизинец с мизинцем Хейли.

— Лучшие подруги навеки.

— Однажды мы вернемся сюда и приобретем этот свадебный салон.

— Клятва на мизинцах.

— Клятва на мизинцах.

У самого окна снова сверкнула молния. Хейли вскочила и побежала с воплями по салону, Тэмми за ней.

Потому что лучшие подруги любили фантазировать. Но фантазии закончились.

Теперь они лучшие подруги навеки. Ведь клятвы ни в коем случае нарушать нельзя.

Кора

Апрель 1930 года

ХАРТС-БЕНД, ТЕННЕССИ

Это утро начиналось так же, как оно начиналось в любой другой будний день. Кора прошла по дорожке к заднему входу в здание, отперла дверь и включила свет.

Солнечные блики, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, пробудили в ее душе надежду. Трепетное предвкушение.

«Пусть этот день наступит сегодня».

Повесив на крючок в прихожей жакет и шляпку, Кора прошла в малый салон, остановилась у ближайшего окна и отодвинула кружевную занавеску. Она смотрела в сторону изгиба видневшейся за деревьями реки Камберленд и ожидала увидеть его.

Она любовалась весенней зеленью и наслаждалась ароматом гардений, правда зимой река сквозь голые ветви просматривалась куда лучше. Тогда из окон

можно было видеть очень далеко, ведь салон стоял на возвышении. Пусть дни были серыми и холодными, зато у нее появлялся отличный обзор.

Уже пришла весна, а он так и не приехал к ней. Ей так хотелось снова увидеть его размашистую решительную походку, как он идет из порта, широкоплечий, сильный, с копной падающих на лицо перепутанных светлых волос, а под свободными рукавами блузы очерчиваются мышцы.

«Приди сегодня, милый».

— Кора? — Хлопнула задняя дверь и отвлекла от размышлений. — Я здесь. — Это вошла Оделия, помощница Коры и портниха, впустив в помещение порыв холодного ветра и запах корицы. — Извини, что опоздала. Допекала булочки. — Она хихикнула и удобнее перехватила платья, которые держала в руках. — Булочки... понимаешь? Мне бы в водевиле играть! А тут еще не завелась моя старая машина, так что пришлось просить Ллойда подвезти меня в фургоне.

Кора подошла к ней:

— М-м-м... булочки прекрасно пахнут. Нам некуда спешить. У нас в запасе еще целый час. Мама уже в пути.

— Очень хорошо. Твоя мама — лучшая хозяйка. — Оделия оставила булочки в буфетной на первом этаже — там мама будет готовить к подаче чай и кофе с пирожными из городской кондитерской. Ей придется как-то деликатно обойтись с булочками Оделии. — Даже твоя тетя Джейн считала, что ей не превзойти Эзму в умении хозяйничать. Пойду заберу остальные

платья из фургона. Ллойд нужно поработать на ферме — он ничего не успеет, если долго простоят здесь.

— Я помогу. — Вслед за Оделией Кора вышла из салона на Блоссом-стрит. — Доброе утро, Ллойд.

— Кора... — Ллойд кивнул в ее сторону и натянул на глаза шапку, затем передал ей несколько платьев на вешалках. — Мне пора работать.

— Успокойся. Как ты думаешь, чем мы здесь весь день занимаемся? Играем в блошки? — Оделия оперлась носом туфли о колесо и поднялась в кузов, где забрала платья у своего мужчины. — Только не прижимай их к себе, а то будут вонять свиньями и лошадьми.

— Оделия, давай их мне. — Кора забрала еще три платья.

Оделия, бывшая полной загадкой для Кору, стала опорой салона благодаря талантам портнихи. В ней смешались ирландская кровь и кровь чероки, она была настоящей рабочей лошадкой. Ее гладкая смуглая кожа не выдавала возраста. Мама говорила, что готова спорить на что угодно: Оделии не меньше шестидесяти лет.

Как только они разгрузили платья, Ллойд поехал обратно. Оделия крикнула ему вслед:

— Не забудь заехать за мной, старый пень, иначе останешься без ужина.

— Давно вы вместе? — спросила Кора, подстраиваясь под шаг своей помощницы. Оделию нашла тетя Джейн. Она наняла ее, как только открыла в 1890 году свой салон.

— С тех пор, когда Иисус был еще младенцем. — Оделия рассматривала белое атласное платье. — Если

только найду на нем пятно от старого одеяла, оторву Ллойдгу голову.

Однако даже при хорошем освещении в мезонине все платья выглядели безупречно, белые подолы сияли чистотой и красотой. Никто в Хартс-Бенде не мог так шить ни иголкой, ни на швейной машинке, как Оделия.

— Сейчас подготовлю витрины. — Кора направилась по ступеням вниз. Парадная лестница с резными отполированными деревянными столбиками делила помещение пополам — слева большой салон, справа — мальй.

Большой салон Кору выглядел как голливудская гостиная, во всяком случае, так она ее по фильмам и журналам себе представляла: деревянный пол с бархатистым ковром, на стенах яркие обои.

Напротив уличной витрины, дававшей много света, Кора разместила изящные стулья по сторонам дивана из полированного дерева с тяжелой расшитой золотом обивкой. Здесь она рассаживала своих клиенток, их матерей, бабушек, сестер, кузин, тетю и племянниц. Здесь они дожидались, когда невеста спустится по лестнице в своем свадебном платье.

Если невеста высказывала пожелание, то и подружки невесты спускались вместе с ней, демонстрируя собравшимся свои наряды. Иногда желал присутствовать и кто-то из отцов, ведь в конечном итоге, аргументировали они, именно им приходится оплачивать счета.

В малом салоне в витринах были выставлены разнообразные фаты, перчатки, клатчи, чулки и прочая всякая всячина для невест. На специальных формах

и манекенах выставлялись свадебные платья, платья для свадебных путешествий и довольно скромное нижее белье.

Кора остановилась внизу. За чем и куда она шла? Ах, да, к витринам. А еще нужно сбегать за пирожными в кондитерскую. Но она остановилась у входной двери и стала смотреть сквозь матовое стекло на улицу — беспокойное сердце никак не успокаивалось. Трепетное предвкушение сменялось сильным беспокойством.

«*Руфус, где же ты?*»

В последнем письме он извещал, что будет на Камберленде этой весной. «Жди меня в марте». Но вот уже прошла первая неделя апреля, в парке «Гардения» и вдоль Первой авеню зацвел кизил.

Она очень боялась, что он болен или ранен. Или, еще хуже, что его судно получило пробоину и затонуло, увлекая капитана на дно.

— У нас есть время торчать у окна?

Кора обернулась и увидела мать. Она шла по малому салону, на ходу поправляя прическу и разглаживая юбку.

— Я смотрела, какая температура. — Кора показала на термометр. Удачно получилось.

— Проверяешь температуру? Или разглядываешь реку?

Маме нравилось думать, будто Кора для нее — раскрытая книга. И будто она умеет ее читать.

— Сейчас подготовлю витрины и побегу в кондитерскую. А ты можешь открыть верхние фрамуги —

нужно освежить воздух. Когда приедут Данлапы, здесь станет жарко. Их будет много.

— Ты ведь сама понимаешь: от того, что ты смотришь его, он быстрее не приедет, Кора. Как и не станет человеком слова. — Мама подошла к ближайшему к двери окну и открыла верхнюю фрамугу.

— Ты несправедлива к нему. Он — человек слова.

— Если, конечно, по собственному желанию он может его поменять и убедить тебя в том, что так оно и было, то, полагаю, ты права. Ты что-то говорила о кондитерской? Я заглянула в буфетную, там только булочки с корицей, которые принесла Оделия.

— Как только подготовлю витрины, отправлюсь в «Haven». Ты поставишь кофе и чай за пять минут до начала?

— Я же принимала гостей в этом салоне еще тогда, когда ты даже не родилась. Я знаю, когда нужно ставить кофе и чай. Зато не знаю, что делать с булочками Оделии. Она может хоть из сухой травы сшить прекрасное платье, но вот печет она так себе. Неудивительно, что Ллойд никогда не улыбается.

Кора сдержала смех:

— Ш-ш-ш, мама. Она услышит тебя. Ты же не станешь возражать, что пахнут булочки замечательно?

— Действительно, но я говорила ей прямо в лицо, что ее сладкие булочки — твердые, как камень. — Мама начала подниматься по лестнице. — Разве не так, Оделия?

— В чем дело, Эсма?

— О твою выпечку сломаются даже крепкие зубы.

— Вы уже двадцать лет говорите мне это, но ведь с Ллойдом ничего не происходит.

— Только он никогда не улыбается. — Мама повернулась к Коре и, прикрыв рот рукой, сказала шепотом: — Потому что у него не осталось зубов.

— Мама, прекрати. — Кора едва сдержала смех. — Ты же сама учила меня, что нужно быть доброй христианкой.

— Быть доброй христианкой — значит говорить правду. — Мама уже открыла все фрамуги. В большом салоне пробили дедушкины часы.

Восемь. Коре нужно собраться. У витрин она достала из нижних ящичков муляжи голов и надела на них фаты и красиво уложила длинное кружево на стекле и полированном дереве. На других головах с жесткими искусственными волосами она закрепила гребенки. Затем Кора достала длинные белые шелковые перчатки с перламутровыми пуговицами и перламутровый гарнитур и все это выложила на синей бархатной подставке.

Сегодня утром в салоне ожидали важного клиента — некую мисс Данлап из Бирмингема, невесту из высшего общества, к тому же из семьи, лояльной к салону. Ее мать, миссис Лаурель Шредер-Данлап, которая родилась и выросла в Хартс-Бенде, покупала свое платье и приданое у тети Джейн еще в 1905 году. Естественно, для своей дочери она ожидает королевского приема. И она должна его получить.

Джейн Скотт обрела свое видение моды для невест в Милане и Париже в конце 1880-х годов и привезла

его с собой в Теннесси, когда умерла ее мама, бабушка Скотт. Никогда в жизни женщины Хартс-Бенда — жены фермеров, горянки, полукровки и бывшие рабыни — не видели ничего подобного тому, что привезла с собой тетя Джейн.

И им это понравилось. Элегантный стиль тети Джейн превратил маленький городской салон в легенду Среднего Теннесси и Северной Алабамы и стал гордостью Хартс-Бенда.

— Кора, я знаю, что ты не любишь, когда я сую нос в твои дела, — заговорила мама, возвращаясь в малый салон, — но...

— Да, не люблю. Я не ребенок. — Кора любовалась последней витриной. «*Кажется, все в порядке*».

Девушка улыбнулась матери и отправилась в мезонин к своему письменному столу. Отодвинув большую коробку с почтой, она порылась в бумагах. Все дела откладываются на завтра, до момента возвращения мисс Данлап в Алабаму.

Мама шла за ней следом:

— Конечно, ты *не* ребенок. Именно так я и считаю. — Мама уперлась руками в край стола и нависла над Корой. — Тебе тридцать, дорогуша. Я в двадцать восемь была замужем, родила двоих детей и стала президентом местной Ассоциации за равное избирательное право.

— Кора, не хочешь выбрать фату для мисс Данлап? — Оделия высунула голову из просторной кладовой. — И мне кажется, что ей пригодились бы перчатки.

— Я выставила фаты и перчатки в витринах в малом салоне. Она сможет выбрать их сама, когда будет примерять платье.

Тетя Джейн ни на чем не экономила, когда наняла архитектора Хью Каткарта Томпсона для строительства свадебного салона. Получилось здание высокого класса. И работа, и место проживания. Сама Кора только собиралась поселиться здесь на третьем этаже, зато тетя Джейн прожила там тридцать лет.

— А как насчет платья для путешествия? На каждый день? У нас есть образцы от Эльзы Скиапарелли, коллекция трикотажных изделий.

— Да, конечно, пусть выбирает. Мы сможем заказать все, что она только пожелает. Трикотаж все еще в моде.

Коре нравился стиль Скиапарелли. Ей даже казалось, что они лично знакомы.

— Оделия, помоги мне. Скажи Коре, чтобы она не закрывала свое сердце. — Мама провела рукой по темным волосам Кору. — Я именно это хотела сказать. Встречайся с другим мужчиной. И не стой у окна, поджидая своего капитана. У тебя есть свадебный салон, а сама ты так и не была невестой.

— Спасибо, мама, а я и не знала. — В таком небольшом городке, как Хартс-Бенд, каждый знал, что тридцатилетняя хозяйка свадебного салона никогда не была невестой. — Разве ты сама не учила меня слушать свое сердце?

— Да, учила, но я понятия не имела, что это заведет тебя в тупик. — Мама начала спускаться

по лестнице. — Больше не стану ничего говорить. Не хочу расстраивать тебя перед приходом Данлапов. Может, мне сходить за пирожными? У меня еще есть время до кофе и чая.

— Нет, мама, я схожу сама. — Ей нужно было вырваться из дома, подышать свежим воздухом, пройтись, чтобы не путались мысли. Чтобы, пока мама не видит, помечтать о нем.

Все четыре года, что она знала и любила Руфуса Сент-Клера, он ни разу ей не соврал. Ни одного раза! Бывало, что он задерживался, что у него сбивался график поставки грузов или вмешивалась непогода, но он всегда держал свое слово — появлялся на Первой авеню с игривой улыбкой и грудой подарков в руках. И с каждым разом его поцелуи становились все более сладкими и все более пылкими.

А потом он прижимал свои нежные губы к ее уху. «Однажды я на тебе женюсь».

Кора вздрогнула и рухнула на стул. Она до боли скучала по нему. Все было хорошо зимой и весной, ей хватало его писем, но только до этой недели. Март уже закончился, а мужчина, которого она любила, так и не объявился.

Спускаясь из мезонина, где стояли три овальных зеркала в рамах из вишневого дерева, Кора чувствовала себя совсем не так, как невесты, которых она любила и обслуживала. А ей очень хотелось пройти там же, где они.

Она с детства мечтала о таком дне. Как она сходит по парадной лестнице под охи и ахи мамы и Оделии,

а также матери жениха — если она будет жива, — друзей и семьи.

Она пила бы чай с посыпанным сахаром сливочным печеньем и радовалась бы грядущей свадьбе.

Кора боролась с ощущением, что она некрасивая, старая и всеми забытая. Но ведь он обещал, и она будет и дальше следовать голосу своего сердца, верить и ждать.

— Эсма, помоги мне здесь, — попросила Оделия, которая надевала на манекен платье мисс Данлап, выбранное ею месяц назад, когда та впервые приехала в салон. Мисс Рут Данлап выбрала платье из каталога с выкройками, и Оделия, используя весь свой талант, воплотила ее мечту в жизнь.

Кора предвкушала, как отреагирует Рут, когда увидит свое платье. Это всегда волнующий момент, и на это стоит посмотреть. *«Все случилось! Я на самом деле выхожу замуж!»*

Когда часы пробили половину девятого, Кора взбила диванные подушки в большом салоне и убедилась в том, что все занавеси полностью раздвинуты. Салон готов.

— Мисс Данлап будет сражена, — сказала, направляясь к лестнице, Кора. — Мама, Оделия, я побежала за пирожными. Мама, напомни мне включить музыку, когда Данлапы будут подъезжать к дому. — Тете Джейн нравилось, чтобы невесты входили в салон под музыку, и Кора решила продолжать эту традицию, ведь любовь — это самая настоящая песня.

Надев жакет и шляпку, Кора заскочила в дамскую комнату на первом этаже, чтобы поправить прическу. Увидев свое отражение, она замерла.

Тридцать лет. Ей уже тридцать лет. Вовсе не девочка. И даже не молодая женщина. Взрослая женщина, работница. Куда же улетели все эти годы? Где она растратила свою молодость?

Еще до войны она была влюблена в парнишку из своей школы, Ранда Дэвиса. После войны он вернулся домой и женился на Элизабет Уайт.

«Пусть они будут счастливы. Да благословит их Господь». Кора так тяжело переживала гибель своего старшего брата, Эрнеста-младшего, в битве на Сомме*, что даже не очень огорчилась из-за Ранда.

Она наклонилась ближе к зеркалу и чуть коснулась пальцами уголков глаз, откуда разбегались тонкие морщинки.

В двадцатые годы женились буквально все. Салон трудился с утра до ночи. Но для нее самой его двери так и не открылись.

Поэтому ей нравилось верить в то, что она ждет Руфуса. Ее первая встреча с ним... Он вошел в салон такой самоуверенный, чтобы лично передать посылку. «Ее оставили на моем “Бродяге”, и я подумал, почему бы мне не отнести ее вам самому».

Он посмотрел ей в глаза и больше не отпускал ее. Она моментально подчинилась призыву его голубых глаз. От его голоса она потеряла способность двигаться, мало того — не могла произнести ни одной внятной фразы.

* Битва на Сомме — одна из крупнейших битв в ходе Первой мировой войны; происходила с 1 июля по 18 ноября 1916 г. на обоих берегах реки Сомма (Франция) между армиями Британии и Франции с одной стороны и Германии — с другой.

Пришлось вступить в переговоры тете Джейн: она показала Руфусу, где положить посылку с одеждой, и извинилась за Кору.

Кора отодвинулась от своего отражения в зеркале и пригладила стриженные волосы. Она не была красавицей. Просто симпатичной, как говорила мама. Высокой и худой, с фигурой скорее подростка, нежели зрелой женщины тридцати лет. Но она продолжала одеваться по моде и поддерживала стройность фигуры без помощи диет и сигарет.

Наконец Кора вышла на улицу и направилась в центр города. В Хартс-Бенде — небольшом, но вполне процветающем городке, соседствующем с Нашвиллом, — деловая жизнь начиналась прямо с утра.

Владельцы магазинов подметали тротуары перед витринами и переговаривались между собой. Кора была одной из них.

Никто не ожидал, что тетя Джейн умрет в семьдесят лет. Тогда, пять лет назад, в городе случилась вспышка малярии, которую власти якобы остановили. Тетя Джейн, которая никогда не жаловалась на здоровье, даже не заметила, когда заболела. Никто не заметил.

И тогда Кора взяла бразды правления салоном в свои руки. С гордостью.

По улице разносился аромат пекущегося хлеба и кислый запах лошадиного навоза. Кобыла, развозившая молоко, Роза, хвостом разгоняла мух.

Кора перешла Блоссом-стрит и пошла по Первой авеню, пытаясь забыть слова мамы и впитать в себя

красоту дня. Тут на противоположной стороне, у входа в парк «Гардения», она увидела констебля О'Шеннона. Он разговаривал с очень крупным мужчиной в синих леггинсах, заправленных в черные сапоги до колена. На нем была просторная куртка с широкими рукавами. Ветерок шевелил его лохматые светлые волосы.

«Руфус?»

— Руфус! — Сложив ладони рупором, Кора кричала, забыв о приличиях и наостривших уши сплетниках: — Милый! Я здесь!

Кора выскочила на проезжую часть и едва увернулась от автомобиля. Водитель нажал на клаксон, но ей было плевать. Ее Руфус здесь!

Не замечая ветра, она неслась навстречу Руфусу, и ее сердце колотилось от любви.

Значит, утренние предчувствия не обманули ее. Он *все-таки* вернулся. Как и говорил.

— Руфус! Милый! Я здесь!

